

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

УДК 159.964.2

СЕМИОСФЕРА ПСИХОАНАЛИЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Филатов Филипп Робертович

Автор предпринимает попытку рассмотреть психоанализ как специфическую практику смыслообразования в свете теории семиосферы Ю. М. Лотмана. Обсуждаются кардинальные изменения, инициированные психоаналитическим учением в различных областях смыслообразования, в самой логике, динамике и драматургии формирования культурных и личностных смыслов. Отмечается роль психоаналитического дискурса при переходе от логики факта («Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна) к логике смысла/парадокса (философия Жюль Делёза). Приводится краткая характеристика психоаналитической семиосферы с присущими ей свойствами неоднородности, бинарности и асимметрии.

Ключевые слова: семиосфера, смыслообразование, логика смысла, логика парадокса, бессознательное, семиотическая сопротивляемость, бинарность, асимметрия.

THE SEMIOSPHERE OF PSYCHOANALYSIS: PROBLEM STATEMENT

Filatov Filipp Robertovich

The author makes an attempt to consider psychoanalysis as a specific practice of sense-creation in the light of Yu. M. Lotman's theory of semiosphere. The fundamental changes initiated by the psychoanalytic doctrine in various areas of sense-creation, in the very logic, dynamics and dramaturgy of forming cultural and personal senses are discussed. The author emphasizes the role of the psychoanalytic discourse when there is a transition from the logic of fact (Ludwig Wittgenstein's "Logical-Philosophical Treatise") to the logic of sense/paradox (Gilles Deleuze's philosophy). A brief description of the psychoanalytic semiosphere with its properties of heterogeneity, binarity, and asymmetry is offered.

Keywords: semiosphere, sense-creation, logic of sense, logic of paradox, unconscious, semiotic resistance, binarity, asymmetry.

В конце XIX в., предлагая психоанализ в качестве факультативного метода лечения истерии [9], Зигмунд Фрейд едва ли предполагал, что создает новую дискурсивную практику с собственными правилами и стратегиями смыслообразования – практику, которая (прямо или косвенно, через ее признание или ревизию и критику) затронет столь разнородные, казалось бы, изначально не связанные области философии, науки, искусства, общественной жизни. В еще меньшей степени патриарх глубинной психологии мог предположить, что его детище не просто станет формой переосмысления ключевых проблем и дилемм западноевропейской культуры (таких, как «сознательное/бессознательное» или «рациональное/иррациональное», «биологическое/социальное», «нормальное/патологическое», «индивидуальное/массовое» и т. д.), но и по сути, образует самостоятельную смысловую оболочку этой культуры.

В эпоху постнеклассической науки возникает новый интерес к психоаналитическому дискурсу. Он обусловлен не столько тем, что психоанализ стал приближением к некоторой истине, осветив темные стороны человеческой природы (как это в духе ницшеанской фразеологии провозглашал З. Фрейд и его первые приверженцы), а скорее тем, что именно с психоанализом исторически связаны весьма существенные, даже поворотные преобразования в самой системе производства гуманитарного знания, в отношении к познающему субъекту, эмпирическому факту и личностному смыслу. Учение З. Фрейда непосредственно подводит к идее социокультурного релятивизма, показывая, как знание человека о себе ограничивается и искажается неосознаваемыми защитными механизмами, коррелятами которых выступают социальные запреты и моральные предубеждения конкретной эпохи. Психоанализ открывает новый тип познающего субъекта, уже не способного в полной мере объективировать (вынести за пределы своего субъективного мира) познаваемое и нуждающегося для понимания себя в диалоге, т. е. фактически в отношении к другой субъектности. З. Фрейд возвращает в фокус научного внимания индивидуальное (в его взаимосвязи и конфликте с массовым и социальным), однако как раз эта категория и преодолевалась классической наукой как синоним пристрастного, необъективного и недостоверного. Наконец, именно в психоанализе была впервые по-новому артикулирована проблема смысла: смысл не гарантирован и не предзадан наличной структурой языка и актуальным культурным контекстом; он не извлекается в готовом виде посредством специального ключа – кода, но представляет собой явление процессуальное, постепенно проступая в ходе взаимодействия сначала сознания и бессознательного (сновидение), затем – аналитика и анализанда (интерпретация).

В этой статье я хочу осветить не столько историческую роль психоанализа, его методологические или технические аспекты, сколько те изменения, которые были инициированы психоаналитической теорией и практикой в сфере смыслообразования, в самой логике, динамике и драматургии формирования культурных и личностных смыслов. Речь пойдет о семиотическом пространстве психоанализа.

З. Фрейд осмелился увидеть или заподозрить присутствие смысла там, где его меньше всего ожидали найти, – в сфере случайного и неясного, до конца не определимого, где мышление дает сбой, а язык лишается привычных и однозначных форм выражения. Это сфера когда-то забытого, оговорок, ошибочных действий, сновидений, детских грез и страхов, т. е. всего, что еще не было выражено ясно и осмысленно, для чего требуется какой-то особый язык, другое мышление и другая логика.

На мой взгляд, психоанализ может быть переосмыслен по-новому в свете его критики Людвигом Витгенштейном [1], с одной стороны, и в свете семиотической теории Ю. М. Лотмана [6], с другой.

Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» сформулировал ограничительное правило: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать» [1]. Это строгое предписание было призвано «обозначить границу мышления» или, точнее, выражения мыслей. Такую границу можно установить только в языке, и все, что лежит по ту сторону данной границы, будет просто бессмыслицей [там же]. Мир, по Л. Витгенштейну, есть совокупность фактов, а не вещей. Он распадается на факты и определяется фактами. Границы мира заданы границами языка.

По мере создания собственного учения основатель психоанализа сознательно нарушал введенный Л. Витгенштейном запрет, это суровое логическое ограничение, пытаясь говорить о том, о чем во фрейдовскую эпоху еще не было возможности изъясняться с подобающей научной строгостью. Что стало следствием нарушения указанного запрета?

В психоанализе граница мыслимого становится менее жесткой, более подвижной и проницаемой. Л. Витгенштейн не только не заглядывает за эту границу, но и предпочитает на ней вовсе не фокусироваться, ибо граница всегда предполагает две стороны, а помыслить вторую, другую сторону, невозможно: там обрываются и мышление, и язык. Там, где, согласно Л. Витгенштейну, начинается бессмыслица, З. Фрейд открывает сферу бессознательного, поле темных, ускользающих смыслов, проявляющихся, вопреки сопротивлению сознания, в процессе интерпретации. Таким образом, З. Фрейд переопределяет границы смыслового пространства классической психологии мышления и логики. Он последовательно разрабатывает язык,

позволяющий преобразовать мнимую бессмыслицу в систему потаенных глубинных смыслов. Позднее Жак Лакан, предложив хрестоматийную формулу «бессознательное структурировано как язык» [5], фактически разомкнул исходный клинический круг психоанализа, включив аналитическое наследие в более широкий контекст гуманитарных проблем, охватывающий логику, семиотику, семиологию и семантику.

Благодаря психоанализу в XX в. происходит постепенный и закономерный переход от обоснованной Людвигом Витгенштейном логики фактов к провозглашенной позднее Жилем Делёзом логике парадоксов [2]. Первая рождается в полемике с Аристотелем, вторая берет за основу «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла. Если первая обращена к совокупности фактов, определяющей все, что имеет место, и все, что не может его иметь, то вторая базируется на парадоксе чистого становления, изменчивости, взаимообратимости, и предполагает нескончаемую «игру смысла и нонсенса». В этой «игре» смысл рождается из своего отрицания, из того, что Л. Витгенштейн помещает за границей мыслимого и называет «бессмыслицей», того, что первоначально не имеет места и не мыслится в мире витгенштейновой логики. Еще не мыслимое, еще не вербализованное, представляющее как нонсенс, бессмыслица, не отрицает смысл, но находится в сложных отношениях с ним и обеспечивает его последующее проявление. Эти сложные отношения в психоанализе можно описать как отношения между языком сознания и языком бессознательного.

«Бракосочетание между языком и бессознательным, – констатировал Жиль Делёз, – уже нечто свершившееся. Оно празднуется на все лады» [2, с. 11].

Согласно Ж. Делёзу, логика здравого смысла утверждает, что у всех вещей есть четко определенный, фиксированный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно. Такое утверждение двух смыслов одновременно и есть нонсенс. Ж. Делёз ссылается на учение Платона, в котором выделены два измерения: 1) измерение ограниченных, обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств, предполагающих паузы и остановки, фиксацию настоящего и указывание на предмет в данный момент времени (измерение фактов, по Л. Витгенштейну. – Ф. Ф.); 2) чистое становление вне какой-либо меры, пребывающее сразу в двух смыслах и избегающее настоящего (измерение парадоксов, по Ж. Делёзу. – Ф. Ф.) [2, с. 12].

Предпосылки парадоксальной логики Ж. Делёза обнаруживаются в психоанализе З. Фрейда, в его классическом «Толковании сновидений», где фактически постулируется, что конкретное содержание сознания (например, образ сна) несет в себе одновременно два смысла: 1) поверхностный, явный или манифестный, уже доступный сознанию; 2) латентный, еще не раскрытый, ускользающий и требующий для своего выявления направленных усилий

и интерпретации. Причем первый не отсылает ко второму, но скорее искажает, маскирует или экранирует его.

Жиль Делёз отмечает, что смысл всегда предшествует обозначению [7, с. 257]. Он подобен сфере, куда говорящий уже помещен, и всегда предполагается, как только некто начинает говорить. Без такого предположения невозможно было бы начать речь. При этом, говоря нечто, я никогда не проговариваю смысл того, что подразумевается моим высказыванием. С другой стороны, всегда можно сделать смысл того, о чем говорится, объектом следующего предложения, смысл которого, в свою очередь, тоже не проговаривается [там же]. Данное наблюдение приводит Ж. Делёза к идее «парадокса неопределенного регресса, имеющего сериальную форму»: любое высказывание или обозначение несет в себе смысл, который раскрывается посредством следующего высказывания или обозначения, и т. д., так что процедура прояснения смысла порождает потенциально бесконечную серию уточняющих друг друга утверждений. Подобный сериальный принцип действует и в психоанализе; он находит отражение в базовом методе свободных ассоциаций. Каждая последующая ассоциация способна изменить контекст понимания и смысл предыдущей. Вся серия спонтанных высказываний анализанда воссоздает процесс становления смысла, в котором сознательные и еще не осознаваемые значения участвуют одновременно.

II. Людвиг Витгенштейн критиковал психоанализ Зигмунда Фрейда за невозможность установления с его помощью эмпирического факта в традиционном смысле слова [8]. Любой факт есть определенная связь, соединение объектов, имеющих место в мире; но то, что может быть добыто средствами анализа, являет связь другого рода. Это скорее соединение субъективного содержания – фантазма, симптома или символа сновидения – с гипотетическим или конвенциональным конструктом, сформированным психоаналитическим сообществом (в числе таких конструктов «влечение», «комплекс», «архетип»). Данная связь не может быть признана объективной – она приобретает каждый раз особое, индивидуальное значение в контексте жизненной истории анализанда или автора, текст которого анализируется, а также в контексте живого взаимодействия аналитика с его пациентом и аналитическим материалом. Иными словами, роль эмпирического исследования, в котором субъекту противопоставлен объект, выполняет герменевтика и специальным образом выстроенная коммуникация, диалог, основанный на более сложном субъект-субъектном отношении.

Приращение знания и смысла в психоанализе инициируется тем обстоятельством, что объяснительные конструкты конкретного учения в конечном счете оказываются беднее и проще той психической реальности, которая обозначается или «улавливается» с их помощью. Это побуждает аналитиков

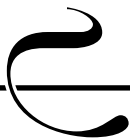
переопределять исходные концепты, дополнять их новыми, постоянно расширяя дискуссионное поле анализа, в частности, за счет привнесения понятий, метафор и принципов из смежных дисциплин. Сновидение в семантическом отношении всегда богаче и полнее, чем его конкретная интерпретация, оно полисеманлично и не вписывается в заданную интерпретационную схему.

Карл Густав Юнг в связи с этим писал об опасностях редуктивной интерпретации, сводящей сложно дифференцированные символические конструкции сна, вымысла или фантазма к более простым исходным предположениям, первопричинам, элементарным психическим содержаниям и базовым процессам. При таком подходе многозначный полисемантический образ или символ подменяется одномерным знаком или симптомом. В качестве альтернативы К. Г. Юнг предложил собственный метод амплификации [3], обеспечивающий приращение смысла в анализе посредством расширения культурного контекста и обращения к мифам, фольклору, произведениям литературы и искусства, – словом, к различным источникам духовного опыта человечества. Амплификация, предложенная К. Г. Юнгом, – это соотнесение личностных смыслов с ценностными универсалиями и смыслами культуры, помещение субъективного смысла в более широкий и одновременно глубокий социокультурный или архетипический контекст.

Видимо, несоответствие между многозначным феноменом бессознательного и редуцирующей его интерпретацией непреодолимо, и оно выступает не только одной из главных методологических трудностей, но и своеобразным семиотическим условием развития психоанализа как смыслопорождающей дискурсивной практики.

Л. Витгенштейн также критиковал З. Фрейда за то, что критерием истинности у последнего выступает согласие пациента, а в основе психоаналитической языковой игры – договор, соглашение, контракт с заранее оговоренными правилами. Включаться в эту систему отношений можно лишь безоговорочно приняв данные правила [8]. Не подменяет ли З. Фрейд одну иллюзию другой (невротическую – психоаналитической)?

Наконец, Л. Витгенштейн критиковал З. Фрейда и за «злоупотребления языком», главным образом, за то, что З. Фрейд придавал словам новое техническое значение, изменяя их обычное употребление. По Л. Витгенштейну, это выглядит так, будто З. Фрейд, меняя значение слов, стремится открыть особую сущность [8]. В этом пункте, пожалуй, трудно согласиться с Л. Витгенштейном: указанные переопределения, трансформации значений носят в психоанализе не сущностный или онтологический, а скорее консенсусный характер. Консенсусный или конвенциональный, т. е. жестко не предзаданный какими-либо предварительными эмпирическими процедурами характер

смыслорождения присущ психоанализу и как особой форме коммуникации врача и пациента, и как школе психологической мысли, в которой дискуссия не фиксирует, а только множит альтернативные смыслы.

Аналитический сеанс представляет собой сложное драматическое действие, – это, по сути, драматургия смыслопорождения, в которой инерционное сопротивление открытию нового смысла, вызванное желанием избежать повторной травмы и боли, дополняется общей семиотической сопротивляемостью пациента. Ведь последнему трудно отказаться от стереотипов обыденного мышления, от привычки не видеть и не слышать то, что не укладывается в уже сложившийся образ Я и мира.

III. В связи с этим продуктивно вспомнить концепцию семиотической сопротивляемости, предложенную Ю. М. Лотманом [6]: приращение знания и смысла в семиотической системе, которая определяет аналитическое взаимодействие, обеспечивается несовпадением кодов и наличием двух различных по характеристикам когнитивных или смыслопорождающих структур. Это несовпадение или асимметрия выражается в противоречии сознательных установок и бессознательных интенций клиента, а также в расхождении между исходной картиной мира последнего (его стереотипами, защитными шаблонами восприятия) и аналитическим видением специалиста.

В результате лингвистического или семиотического поворота теория психоанализа постепенно перестает быть ориентированной на строгие эмпирические факты и стандарты естественнонаучного познания; она скорее направляется непрерывным поиском кода, позволяющего перевести «речь Другого» (как определил бессознательное уже упомянутый Ж. Лакан) на доступный Эго-сознанию язык. В практике аналитик оказывается уже не просто исследователем, добывающим факты, но в не меньшей степени переводчиком. Мастерство аналитика определяется тем, насколько успешно справляется он с «трудностями перевода». Здесь как раз и проявляется несовпадение, асимметричность как универсальный семиотический принцип (который Ю. М. Лотман распространил даже на сферу психофизиологии, на межполушарную асимметрию мозга). Наряду с проблемами научной достоверности знания актуализируется проблема семиотической сопротивляемости, «не-до-конца-переводимости», по Ю. М. Лотману [6]. Подчеркну сходство с литературным переводом: в практическом психоанализе научное знание соединяется с искусством интерпретации, которая всегда многообразна и не может быть единственно верной и окончательной, ибо это означало бы прекращение смыслообразования. Так же одно и то же стихотворение можно перевести по-разному, все определяется богатством культурного опыта переводчика.

Однако семиотическое пространство психоанализа не ограничивается сферой диадического взаимодействия аналитика и пациента. Оно фактически образует особую «оболочку» научной и культурной жизни, в которой в поиски нового языка (или в изучение «языка бессознательного») вовлечены не только клиника, но и логика, философия, социология, критика культуры и властных игр, освободительное движение, фрейдомарксизм, гендерные и социально-политические исследования.

Современный психоанализ действует и развивается по законам семиосферы, описанным Ю. М. Лотманом [6]. Один из парадоксов семиосферы заключается в том, что в ней семиотический опыт должен предшествовать любому семиотическому акту. Такой опыт и в психоанализе предшествует любой аналитической работе, – это (отчасти мифологизированный и эталонный) пример самоанализа Зигмунда Фрейда [4], который кропотливо изучается начинающими аналитиками, предвосхищая перипетии их собственного тренировочного анализа, как, впрочем, и сессии с будущими пациентами.

Далее, семиотическое пространство психоанализа характеризуется неоднородностью; как любой семиосфере, ему присущи бинарность и асимметрия. Здесь мы обнаруживаем диалектическую борьбу противоположных тенденций, направленных, с одной стороны, на унификацию научного языка, с другой, – на постоянное расширение смыслового поля, приумножение кодов, дискурсивных стратегий, приемов и правил. Действующие в этом семиотическом пространстве бинарные оппозиции обеспечивают постоянный прирост нового знания. К числу таких оппозиций могут быть отнесены «ортодоксия – диссидентство» (классический психоанализ, восходящий к З. Фрейду, и альтернативные школы А. Адлера, К. Г. Юнга, М. Кляйн), «апологетика – критика», «клиника – философия культуры» и т. д. Не только догматическая часть учения, но и его критическое переосмысление способствует постоянному развитию психоанализа. Неслучайно важнейшие поворотные моменты в эволюции психоанализа и разветвления на его древе хронологически совпадают с периодами ревизии. Существенную роль играет и оппозиция «центр – периферия» (в данном случае центрирующую функцию выполняют учение З. Фрейда и теории признанных аналитиков, тогда как на периферию оттесняются, принимая статус «маргинальных», альтернативные концепции и модели). Соответственно, необходимо отслеживать как генеральные линии развития аналитического дискурса, так и побочные, сопутствующие эффекты, эффекты на границах взаимодействия психоанализа с другими научными дисциплинами и сферами культуры. Они могут трактоваться как второстепенные или шумовые, но именно в них нередко обнаруживается мощное

и заранее не прогнозируемое влияние названной дискурсивной практики на научную и культурную жизнь.

Наконец, еще одна малоизученная бинарность обнаруживается в психоаналитической семиосфере. В ней уживаются способы описания, как предполагающие научную формализацию, так и ускользающие от нее; иными словами, наряду с теориями, носителями и генераторами смысла в психоанализе могут выступать символические объекты визуальной культуры, произведения литературы, кинематографа, авангардного изобразительного искусства. Аналитические принципы символизации, смыслопорождения и герменевтики используются не только в гуманитарных дискурсах, но и в различных областях арт-практики. Учение психоанализа находит отражение, переосмысление и продолжение не только в работах последователей и критиков, но и в романах Томаса Манна и Германа Гессе, полотнах сюрреалистов, в сложном символическом киноязыке Ингмара Бергмана и Федерико Феллини. Смыслопорождение в этих ненаучных областях, инициированное психоанализом, уже становится предметом специального изучения.

В этой статье мы попытались рассмотреть психоанализ не как отдельно взятую школу научной мысли и психологической практики или теорию с притязаниями на истинность, эвристичность и достоверность, но скорее как разновидность семиосферы, характеризующейся неоднородностью, асимметричностью и специфическими способами смыслопорождения. Затронутая нами тематика, безусловно, требует дополнительного междисциплинарного исследования.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – С. 8–14.
2. *Делёз Ж.* Логика смысла. – *Фуко М.* *Theatrum philosophicum.* – М.: Паритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. *Дикманн Х.* Методы в аналитической психологии. – М.: ООО ЦГЛ «РОН», 2001. – С. 183–200.
4. *Когут Х.* Размышления о самоанализе Фрейда / *Kohut H.* *Die Zukunft zu allgemeine Themen und zur Psychologie des Selbst.* – Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1975. – С. 93–139.
5. *Лакан Ж.* Четыре основных понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964). – М.: Гнозис / Логос, 2004. – С. 30.
6. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2010. – С. 250–276.
7. *Маркова Л. А.* Наука и логика смысла Ж. Делёза // *Философия науки.* – 2000. – Выпуск 6. – С. 254–281.

8. Сутер Р. Интерпретируя Витгенштейна: Облако философии и капля грамматики / Suter R. *Interpreting Wittgenstein: A cloud of philosophy, a drop of grammar*. – Philadelphia: Temple univ. press, 1989. – XVI. – 256 p.
9. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005. – Том 1. – 466 с.

References

1. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logical-philosophical treatise]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2010, pp. 8–14.
2. Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of sense]. Foucault M. *Theatrum philosophicum*. Moscow, Raritet Publ.; Yekaterinburg, Delovaia kniga Publ., 1998. 480 p.
3. Dieckmann H. *Metody v analiticheskoi psikhologii* [Methods in analytical psychology]. Moscow, TsGL "RON" Publ., 2001, pp. 183–200.
4. Lacan J. *Chetyre osnovnykh poniatiiia psikhoanaliza* [Four fundamental concepts of psychoanalysis. Seminars: Book 9 (1964)]. Moscow, Gnozis / Logos Publ., 2004, pp. 30.
5. Lotman Iu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2010. 250–276 p.
6. Markova L. A. Nauka i logika smysla Zh. Deleza [Science and G. Deleuze's logic of sense]. *Filosofia nauki – Philosophy of Science*, 2000, no. 6, pp. 254–281.
7. Kohut H. Die Zukunft zu allgemeine Themen und zur Psychologie des Selbst. – Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1975. – S. 93–139.
8. Suter R. *Interpreting Wittgenstein: A cloud of philosophy, a drop of grammar*. – Philadelphia: Temple univ. press, 1989. – XVI. – 256 p.
9. Freud S. *Sobranie sochinenii v 26 tomakh* [Collected works in 26 volumes]. St. Petersburg, East European Institute of Psychoanalysis Publ., 2005, V. 1. 466 p.